

Ольга Татаринова

КАМЕРНО

книга стихов
1972-74

Москва
Издательство «БПП»
2009

Стихотворения
представлены
в авторской редакции,
орфографии и пунктуации

Как раз тогда, когда слетает строчка,
И расцветает папоротник где-то,
И чей-то мальчик родился в сорочке,
И у кого-то вдруг нашлась монета.

Как раз тогда, когда слетает строчка,
Кого-то кто-то ждет у перекрестка,
И чей-то посох выпустил листочки,
И руки выросли у статуи Милосской.

Как раз тогда, когда слетает строчка,
Кого-то кто-то извести решает,
Апрельский заморозок в почки
Впивается, и кто-то умирает.

Как раз тогда, когда слетает строчка,
Моя душа всего вернее знает,
Что даже слово — только оболочка,
А вечно то, что на него толкает.

Облаком жемчужным утро
село на балкон,
горстью брызг в окно плеснуло,
задувает в сон.
Крохотным смычком синицы
реденько скользят
по звенящим тонким спицам
воздуха ль, дождя.

Благосвет —шатер янтарный
дуба над окном
из чешуек, осиянных
матовым огнем.

Осень! Ты скрипач бродячий
в старом пиджачке
с нотами щемящих вальсов
в сундучке.

Емца — речка,
Емца — лодка,
Емца — маленький ручей,
крупноглазая девчонка
в рыжей пестроте кудрей.

Стоило ль так долго ехать,
стоило ль так долго ждать,
чтобы — это,
чтобы — Емца,
чтобы сердце потерять

на ветру у косогора,
в ржавых заводях средь бора,
в хвойных сумрачных чащобах
свое сердце промотать.

Чтоб вовек не излечиться
от сиянья лиственниц,
чтоб одна чудная птица
все бы в речке б чистилась.

Еще одно, еще одно начало...
О чем, душа? Осенняя кайма
пирует на лоскутном одеяле
осадным жаром в самовластье дня.

Еще одно, еще одно ненастье;
еще одна симфония листвы:
был ночью холод. И сулил напасти.
Все спали. Мы —

струимся, рвемся мы.
Кто дирижер? Кто композитор? Ветер? —
он подставной солист
во фраке цвета тьмы!
И солнце взыгрывает медью
по мановенью туч,
послушных, как и мы.

Но музыка стройна,
рябины алы,
и рвутся струны кленов и берез
звучком,
как если б Моцарт вырывал их
из самых недр в смятенье мировом.

Сквозь вихрь веселия —
небесный гром,
и плач земли,
плюс тонкий женский голос,

который разрастается, как колос,
и голосит, и колосится шрам
истерзанный навстречу божьим карам.

И успокоившись, лежит листва
на омуте черненого пруда,
являя мир лоскутным одеялом,
состроченным из синьки и белка
и цветом в осень, небо, облака.

И что ни начинай — бери листву, кларнет
и ящик с красками, но твой куплет
два голоса выводят со двора.
Два голоса, какая бы пора
ни стыла во дворе, пора иль не пора,

два голоса: в них осень и весна,
в них Бог и человек,
мгновение и век.
Два полюса, два смысла, два весла.

ПОКРОВСКОЕ-СТЕШНЕВО

Игрушечный замок — навес стационарный
с оранжевым солнцем в окне;
дорожная прихоть, подобие дома
с мясным пирогом на столе.

По левую руку
поставила б книги, по правую —
письменный стол.
И зажила б — заходи, кто хотите,
на солнце и на пирог.

Снимай под навесом
промокшую обувь,
тягости отряхни,
и ожил бы сад, и орнамент бы ожил...

Галки на ветках — как комья земли.

У непослушливой судьбы
очередное светопреставленье,
а ты сидишь на чьем-то табурете
и на нее встревожено глядишь.
Рассматриваешь даль ее и фланги,
выстраиваешь стойкую фалангу
ее проблематичной правоты.
Никто нас по головке не погладит,
и если сам с собою не поладил,
пиши себе же дельное прошение
и об уступке свой олимп моли.
Проси уступки северному ветру
и мелочному строгому начальству,
смири нервозность своих длинных пальцев
и преимущества пойми
умеренного трепетанья жизни,
заверенного образа мышленья
и отметающего всякие сомненья
добротного и нового пальто.
Куда теперь рискнешь в своем податься?
Кто вздумает с тобой теперь связаться? —
Ведь на тебе написано кругом,
кто ты, откуда, из какого теста,
устроен глупо как и неуместно,
и сам, уж ясно, виноват во всем.
А если кто-то, добренький, и взглянет
на дело под спасительным углом —
любовь, к примеру, —
тут же рассчитает,

что он исправит, воспитаю — сварит
тебя в котле с кипящим молоком.

АРЧИБАЛЬД МАКЛИШ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ.

Стихи должны касаться рук,
как плуг.

Стихи
должны нечаянно расти, как мхи.

Стихи должны быть так темны,
как перстни давней старины.

Слова в стихе не знают слов —
сердечный зов.

Стихи — недвижимые сны,
восход луны,

нисходят в душу, как луна
в силки немых ветвей со сна,

и западают меж ветвей
застывшей памятью вещей —

стихи, недвижимые сны,
восход луны.

Какая сегодня луна! —
окровавленный аэростат
на затемненном небе.
Я спать не могу
в такую луну —
стою на балконе, накинув шубу,
и пристально на нее смотрю:
что ни случись — ерунда,
только бы не
такая луна.

Медленно, как только можно в нашем веке,
а пожалуй, даже и нельзя,
я слоняюсь, приспустивши веки —
флаг задумавшегося корабля.

Не печально и не одиноко
мне у незнакомой пристани бродить.
Широка, извилиста дорога
с фонарей стекает в море. Плыть,

пить туман камчатского причала
мне назначено сегодня в семь, во сне.
Здесь я. Ни на час не опоздала.
Град святителей Петра и Павла
чрезвычайно милостив ко мне.

Белый лайнер с желтыми огнями
без меня уходит в южный порт.
Есть минуты — вдруг мы точно знаем, —
посмотрев на мачты, вспоминаем, —
что нас кто-то где-то очень ждет.

1972

Я не спала вторые сутки
в камчатском аэропорту,
и в женской слабости минутной
я думала — а если вдруг
они и завтра не придут,
а если вовсе перестанут
летать на этот край земли
из ослепительной дали?

Где поселюсь? В какой маршрут
пущусь на колымаге тряской
вдоль по отверженно-прекрасным
камням белесым, что зовут
Большой дорогой на Аляску?
Глазами — в окна, где указкой
на сказочной чужбине ткнуть?

Куда из мест, что так лучисто
командированным туристом
освещены с восторгом в письмах,
оседло с тазиком махнуть?
В какой отъявленной глуши
в виду ветвистого вулкана
у океанского волана
завесь огонь в ночной печи,
загашник из консервных банок,
плащ на ватине, стопку книг,
и, обладая сапогами,
зажить, как водится в тиши:

пространство заливать слезами
в грозу раскатистой души,
торосы разводя руками.

Да он же просто был влюблен!
Под небом Балтики смиренным
в заливе камень. Мы вдвоем.
День пасмурен. В заливе — пена.
Меж нами дикая сосна, и он,
обнявши ствол рукою, —
мальчик, который пожелал
в свободный день побыть в тиши, —
бормочет мне, как хороши
останки замка над волною.

И Кант по-прежнему там спит,
И Шиллер пригвожден к граниту.
Но как забылись и размыты
черты лица... Как четок вид!

Приснись мне снова — больше не прошу
я ничего у этого пространства,
проклятья между временем и счастьем
других миров, укрытых плотной далью.
Ты — тот, которого люблю,
которого мне нашептали сказки,
сплетенные из впечатлений дня,
и я молю: не покидай меня
одну перед лицом судьбы ненастной.
Будь здесь, не исчезай и приходи опять,
чтоб звук часов не смел меня пугать.

И некого мне больше воспевать;
Остались две руки, опасно-сини.
Две костяных, но зябнущих. Двух пиний
Немеркнущая вековая стать.
Тень идола у древнего колодца.
Еще взойдет томительное солнце
Над миртом пахнущим, но мне уже не встать.
И больше нечего тебе у нас отнять.

Корзинка с пряжей,
елочные ветки в бидоне из-под молока —
вот Рождество мое.
И Первая соната Бетховена,
и кружевные ставни
на окнах, и тишайшее житье.
Вы не придете.
Ни к чему рыдания,
но все равно — я все-таки скажу,
раз все так ни к чему:
что Первая соната — это детство,
чулки в резиночку и замиранье сердца
от света на полу и от печали,
от волшебства скрипичного ключа,
скрепляющего нас через века — не с вами:
вы нас знать не пожелали.

Ничего не смогу объяснить
ни суду и ни Господу Богу,
почему узловата нить,
почему не видать дорогу.

Все заведено, как часы,
у родных, у подруг, у мужа —
и невидимые весы
только знают, что лучше, что хуже.

И еще один лиходея —
неизвестный, чужой, прохожий —
подорвался на миске щей
и, взлетая, стал мне дороже.

В этот солнечный черный день
я не знаю, будет ли ясно,
только крутится карусель
и по изгороди — пятна.

Опять пошел снег,
и красная школа напротив
мерещится будто во сне —
вчерашней радости оттиск.

Я не увижу полдня,
звонка, кричащей гурьбы —
и эта тихая школа
как будто действительно спит,

в одну и ту же минуту
видимая каждый день,
всегда — для меня — закрыта,
пуста. Старый замок. Тень.

Все, что живет, что дышит —
передо мною,
как на ладони.

А я сдала,
сдалась,
не выстояла —
умерла.

Трава шуршит,
цветок синееет в поле,
и у реки
песок хранит

такую небольшую метку:
это место,
где я вдавила
пятками его.

февр. 74

Сегодня прочитала о Нервале:
его, оказывается, так загнали
литература, деньги и печали,
друзья, журналы, слава и признание
в каком-то узеньком безденежном кругу,
что он побрел себе с бульвара в переулок,
воротником худого пиджака
все прикрывая свой затылок,
чтоб драгоценность эту не продуло
на сквозняке от рифм до чердака,
и там повесился. (После любовной драмы,
после попыток с солнцем сговориться,
решив, что его точный ум — сплошной бедлам).
Вокруг кричали воробьи в Трехпрудном;
я опустилась на скамейку у катка —
озноб какой-то. Взлет температуры,
и больно от случайного глотка.
Нерваль ведь тоже мог порвать с литературой.

Это Истра серебрится
у меня между ресниц;
наклоняюсь к ней напиться —
куст качается, пятнист.

Это — краткое мгновенье,
или все, что дарит жизнь?

Машет крыльями в груди
то ли мельница, то ль птица.
Что еще там впереди? —
Истра меж ресниц струится.

Апрельский град шелестит
последней грустью Шопена;
под фонарями рябит,
у Сислея как на полотне.
Кончено, может быть,
все, что отпущено небом;
последняя дрожь горит,
как поцелуй в полусне.

Небо! И льдинки! И ветки!
Прищурь ночных фонарей,
цепкой души отметки
на каждой новой заре —
какое нежное скерцо!
Запахла опять земля,
и боль в помутившемся сердце —
это еще я!

Если бы я жила
в комнате светом на Язу,
если бы от стола
взгляд упирался не в кляксу,

если бы телефон
имел задушевный тон,
ты бы мне позвонил
и о чем-то моем спросил.

Если бы я жила
окнами в твой квартал,
а телефон молчал —
я бы с ума сошла.

Мне хорошо изо ржи
следить, как несутся стрижи,
до речки рукой доставать,
прекрасно все знать и молчать.

Да будет бутылка на светлом окне,
Да будет ребенок в зеленой кроватке,
Да будут листочки блестящи и гладки,
Как это однажды представилось мне.

И пусть облака тут всегда проплывают
И машут платочком свой белый привет,
Березы стрекочут, и клены вздыхают,
И млечной невинностью дышит обед.

Какого рожна мне от жизни соленой,
Раз солнце умеет в окошко блистать,
Раз мудрый ребенок в кроватке зеленой
Меня обучает бутылкой играть.

Да будет и мне это пятнышко света,
Прощенье, улыбка зеленых щедрот,
Созвездие Будды, Христа, Магомета
Во взгляде с лукавым оттенком ответа,
Который, как бульканье в соске, прост.

май 74

Как мальчик с дудочкой,
задумчиво бреду,
перебирая строчки на ходу,
и не заметила, как две седые пряди
упали на глаза,
а там — на лист тетради.

Гитару Гарсии пронзила сталь кинжала
за то что не молчала, не молчала;
гусяр и лирник, помолись сначала,
пока струна еще не зазвучала.

Наверно, я родилась в деревне.
Нет, я-то знаю, где я родилась,
но то, что есть я, — родилось в деревне,
в задумчивую грязь.

Мне вовсе не скучно,
и даже не грустно
смотреть на поля за окном.
И жизнь никогда не кажется тусклой —
в дождик, за бедным шитьем.

Черные избы, подводы,
всхлипывания дождя,
бедный облик природы,
тусклые отблески дня.

Это уже не ранит,
это уже в крови:
под дикое хлопанье ставен
сны безутешной любви.

Прогремел грузовик с железными брусьями.
Жарко кузов его нагрет.
Но вдруг получилось — я в нем очутилась,
а здесь остался мой белый берет.

И вышло, что мир не такой уж чванный, —
мне дали спички: дали огня! —
включили приемник, и только странной
нашли музыку, что слушала я.

Потом мы смеялись. Столько смеялись! —
собаку «подбросили» до плетня,
и есть меня звали — но я постеснялась.
Потом домой отвезли меня.

А.С.

Мне нравится, что этот вечер
так светел, мягок, приглушен,
движеньем плавным так отмечен,
так величав и так умен.
Разбушевавшемуся гневу,
лжи проливной моей тоски
под гнетом бед-хлыщей и нервов
ладонь кладет он на виски;
и пальцы тонкого каштана
непринужденно и лукаво
пусть извлекут сейчас октаву
из всей взъерошенной меня, —
за это дерзостное право
не знать житейского кошмара,
всевышний свет, люблю тебя!

май 74

Фортепиано странно брезжит
ненотным звуком за спиной,
безмолвно молнии порой
душистый светлый воздух режут;
я у открытого окна
в пустом смеркающемся классе,
мне улица едва видна
в полувечернем одночасье.
И этот старый дом, смущен
деревьев легким опереньем,
и дождика шуршащий звон,
и разбредающийся тон
безмерным делает мгновенье.

КАМЕРНО

М.Л.

Я греюсь не своим теплом,
я не свою готовлю пищу:
моей подруги теплый дом
дал отповедь всем пепелищам.

Приходят каждый день друзья,
едва огонь у нас забрезжит.
Нас только двое — ты да я,
да на окне цветет подснежник.

Да звуки строгие скорбят,
за нас решительно вступаешь;
да тени прошлого летят,
оправдываясь и извиняясь.

И этот камерный мирок
сильней репрессий и нотаций —
меня от стужи уберег
и не намерен ей поддаться.

Где-то дрогнула травинка и угасла,
на сирени ветка покачнулась.
Это лето ветрено ужасно,
только трудно руки протянуть.

Голова неряшлива, в соломе
яшень весь, в лохмотьях, точно нищий, —
трудно принимать от равных пищу,
ну-ка как такое да с тобою?

Это временно, такой барометр, лето,
и оно по-своему воспето.
Ветер рвет холсты на небе, ветер
то угрюм, то легкокрыл и светел.

Это выдалось однажды, и однако
надо же и пережить такое,
ведь не век же — хорошо да гладко;
что ж так жалко счастья и покоя?

Нарвала букет крапивы,
и еще нарву.
Я умею быть счастливой
в этом славном рву.

Мне еще ни разу черти
не чинили зла.
Все от праведников, верных
слезы и лила.

Сорвала пучок крапивы,
и еще сорву.
Изумляюще красивый
сарафан сотку.

И тебе сошью сорочку,
белокрылый мой.
Прилетай, как только тронут
ласковой рукой.

Что надо прибавить
к дождю и к поляне,
что надо открыть
в этой створчатой раме,
чтоб воздух поил без отравы?

Откуда — со свода,
из леса, из дома (чужого),
из вида на завтра —
прибавить луча к этой сумрачной гамме,
чтоб воздух поил без отравы?

Или из сердца,
из духа хмельного,
сурового, тяжкого и затажного
пустить паровозный гудок ожидания
по взгодьям и травам,
чтоб воздух испил их отравы?

Как никогда, нам рано умирать.
Как никогда, душа стремится к смерти.
Когда так страшно все вокруг померкло —
тут только и учиться выживать.

Но что возжечь?
С чего сщипнуть лучину?
Вокруг все то, чему светила,
погасло разом, спала лишь личина
благоустроенного бытия,

и резкий свет, откинувший завесу,
как дым, стряхнувший прочное житье,
утратил вес и взмыл над дружным лесом,
одевшись в одиночество свое.

Так легок путь.
Так нет другого хода.
И может, только мнится, снится мне,
что был полет, была душа свободна —
на миг, как тело предали земле?

Я не знаю, какой ты вживе,
только верую присно в тебя,
согласуя с задумчивой ивой
легкий шаг твоего бытия.

Предаюсь этой чудной загадке
столько лет, сколько помню себя:
ты — и есть в каждой жизненной складке,
и — ни разу не встретить тебя.

Все что лучшего можно придумать,
накопилось в тебе за мой век:
ты — седой и прекрасно-юный,
ироничный и чуть угрюмый
снисходительный человек.

Пред тобою слегка робею
и нисколько тебя не боюсь —
как ребенок, слушать умею
и потом повторить наизусть.

Я весельем твоим не смущаюсь
от неловких ошибок моих:
ты — единственный точно знаешь
светлый замысел, ты вникаешь
в смутный ход моих запятых.

Как ветер нам живописать,
кроме как тяжестью травинок
и выгибом зеленых спинок
отар гречихи и овса?

Как молний блеск изобразить,
как ни плащом стальным на ниве,
когда взметнулся в перспективе
в час отречения язык?

И эту ночь моей тревоги,
душеубийственной борьбы
за послушание судьбы
с оскалом чудищ на пороге,

когда ничто не решено
к утру, лишь дождь стучит в окно?

21 июня 74

Семейство лютиков сквозных напротив взгляда
трепещет, как садок счастливых птиц,
и кажется, мне ничего не надо
от жизни — в этом положенье: ниц.

Счастливый ветер по спине гуляет,
чистосердечно солнышко дерет,
по пашне грач торжественно ступает, —
он утверждает и червей грызет.

Живот, пригревшись, очень мирно бредит
среди барочной лепки облаков —
да мне и некуда спешить к обеду,
я и забыла даже, кто таков.

Как хороши свободные искусства!
Как высоки над пашней облака!
Всего перевернись — и будет чувство,
что над тобой плывет строка.

Мелькают капли
цветущей мяты,
вероник синие глаза.
Ногой примяты
костер и мятлик,
и незабудок бирюза.
Сезон цветенья
моих владений,
сезон дыханья терпких смол.
Прозрачны листья —
не плоть, а мысли,
вокруг осоки — ореол.

Бегу на остров,
чей легкий остов
рассчитан только на двоих.
Протру вулканы,
дам волю странам —
и напишу веселый стих.

Как-то в ветер рожью шла —
раскружилась голова.
Василек хочу сорвать —
не могу его поймать.

Поле плещет, рожь полна,
туча хмурая клокочет,
мечется и слиться хочет
с той, что вдалеке видна.

Жизнь с другими слиться хочет.

Не дается василек.

Вдалеке шагает мальчик —
толстый, важный паренек.
Он букетик маме тащит
и на шортах дырку прячет.

Довлеет днєви злоба его...

Соединяется букет
с искристой музыкой Клементи —
серьезным мыслям места нет
в такой жизнелюбивой смете.

И даже ежели струна
вдруг как-то медленно запела,
ей все же никакого дела
до грустных распрей между днем
и впавшим в бешенство умом.

Так музицировать хочу
на яхте с пальмами у трапа,
отделанная вдрызг соната
чтоб льнула к лунному лучу,
удобной жизни по плечу.

Себе

Туман и лето. Луны в лужах.
Рябины стройный силуэт
впечатан жестом серых кружев
в молочный тюлевый засвет.
Фонарь, оставшись где-то сбоку,
так ненавязчиво горит,
баюкая мою тревогу,
показывая нежно оку
меланхоличный светлый вид
почти не видных очертаний,
и свет, и тень — почти обман,
почти любовь, без узнавания,
б е з и м я. Лето и туман.

2 июля 1974

Язык осторожный, проси-не проси
терпкого привкуса красной горсти —
две бусинки дать тебе можно,
бруснику роняя в кусты,
в канавы и в подорожник.
Язык, потерпи, погрусти,
смирись, поиграй под сурдинку,
по тихой безгневной тропинке
задумчиво поброди.
Живи, поживи, побори
щелчки и гортанные крики,
узнай еще вкус ежевики,
в отчаянье снова замри
и снова изверься в музыке.
И душной душевной порой
открой чью-то тихую скрипку —
и вдруг изумись, как смелы,
пронзительны сны под сурдинку.

Капли шлепают по листьям
в подтвержденье тихим мыслям,
будто дым вокруг руки —
непредвиденность строки.
То простыло, то согрето
золотистым солнцем лето,
много гроз, и каждый день
множится от перемен.
Так желанья разбежались
между книгой, речкой, шалью...
Шепот листьев, шепот капель...
Изнуряет так черед
крохотных шуршащих кляпов,
прерывает мыслей ход
и срастись им не дает...

КУЗЬМИНКИ

Кусты ломаются легко —
такое свойство этой осени,
сухой, как тонкое сукно
расцветки золотистой проседи.
Слегка приподнят над землей
ход бабушек за ручку с внуками,
и сухо тянет резедой
от клумбы с листьями пожухлыми.
Хрустящей золотой жарой
таксист разнежено любит,ся,
и в перерыв большой гурьбой
рабочий люд спешит на улицу.
И я, меж ними проходя,
так остро чувствую цветение
на лицах золотого дня,
навстречу ласке октября —
такое общее движение.

окт. 74

Мне б какой-нибудь кожушок —
сохранить, не разбрызгать счастье,
а внести его и в ненастье
за октябрьский порог —
кожушок.

Кожушок бы на поясок —
на замок это летнее счастье,
и пошел через все напасти,
выводя серенады в рожок.

Я иду по остылой земле,
мне, положим, пора убедиться,
что зима — в декабре, в январе,
в феврале еще гибнут птицы;
нет гарантий и мне — в феврале,
но на мне кожушок — в октябре,
повезло же в рубашке родиться!

Для поэзии даже удобно,
что предмет ее любит другую,
где-то клюет чужие крошки
и музицирует не дома:
она бы не выдюжила грома.

Очень и очень кстати,
что сапоги, облепленные грязью,
с охоты бредут в чужую квартиру,
не запыляя лиру.

Что не завалены углы деталями
кинокамеры «баракуда» —
просто чудо.

Не исключено, что это и дает возможность мадригалу
взмыть над головой объекта посвящения,
взмыть над домом, минуя окна,
под которыми поется серенада.
Может быть, так мне и надо...

Флоксы и астры,
осенний дымок,
быстрый и частый
дождя говорок...

Флоксы и астры
любимой порой —
страстные вальсы
летят чередой,

астры и флоксы
под небом густым,
чувства, и осень —
и дым.

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса»

Как далеко на стружках волн
задатки крохотной триеры,
как скомкано лежат портьеры,
какая нежить за столом!

Я не могу нарисовать
не то что грека — итальянца,
и шума проливных оаций
страшит немая плотоядь.

...Неузнанной с тобой гулять
набегом сладкого напева,
летая над тобой по небу,
и взгляд нечаянный встречать...

Но прочь черту! Пока не поздно
в ознобе пышащего мозга
разбить овалы п р е ж н и х г р а ц и й,
в разрухе прыгнуть на балкон —
и подтвердить гаранты царствий,
превозмогая гул пространства,
сквозным икаровым путем;
да что! — как по суху пойдём.
Уж это есть. Не в этом дело,
и я у ж е не захотела
блистать растерянным крылом ...
Давай с тобой помоем окна,
И не поссоримся при том:

над голубым своим огнем
я простудилась и намокла...
И прочь — крыло, и прочь — порталы,
своим изученным кварталом
еще два раза обойду,
авось у ласточки найду
две гласных, коих не хватало,
чтоб слогу сделать рукоять ...

Еще не поздно потерять
себя на солнечном пространстве
твоей сложившейся судьбы,
нарисовав твои стопы
с отзвоном своего мытарства...
Не царства, свет земной, не царства
прошу у голого листа!
Не заношусь и до креста —
Ступай. Окончен самозванства,
шаманства час. И ночь густа.

ДЖЕЙМС ДЖОЙС
(1882-1941)

Я слышу, как из-под земли меня винят
Крутые конники в грохочущих доспехах;
Презрение отливом черных лат
В меня впивается гортанным смехом.

Их бранный клич ко мне доносится сквозь сон
И я в ответ роняю стон печальный.
Их мрачной верностью мечте сражен, —
Лязг, лязг в чаду сердечной наковальни.

Волос их длинных триумфальный плеск
Мне море на волне бросает.
Где, сердце, натиска отчаяния блеск? —
Когда любовь, любовь нас покидает!

1907 Сб. Chamber Music

СОДЕРЖАНИЕ

Как раз тогда, когда слетает строчка,.....	3
Облаком жемчужным утро.....	4
Емца — речка,.....	5
Еще одно, еще одно начало.....	6
ПОКРОВСКОЕ-СТЕШНЕВО	8
У непослушливой судьбы.....	9
АРЧИБАЛЬД МАКЛИШ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ.....	11
Какая сегодня луна! —	12
Я не спала вторые сутки	14
Да он же просто был влюблен!	16
Приснись мне снова — больше не прошу	17
И некого мне больше воспевать;	18
Корзинка с пряжей,	19
Ничего не смогу объяснить	20
Опять пошел снег,	21
Все, что живет, что дышит —	22
Бессмысленно пререкаться с машиной.	23
Сегодня прочитала о Нервале:	24
Это Истра серебрится.....	25
Апрельский град шелестит	26
Если бы я жила	27
Как мальчик с дудочкой,	29
Гитару Гарсии пронзила сталь кинжала	30
Наверно, я родилась в деревне.	31
Прогремел грузовик с железными брусьями.....	32
Мне нравится, что этот вечер.....	33
Фортепиано странно брезжит	34
КАМЕРНО	35
Где-то дрогнула травинка и угасла,.....	36
Нарвала букет крапивы,.....	37
Что надо прибавить	38
Как никогда, нам рано умирать.	39
Я не знаю, какой ты живишь,	40
Как ветер нам живописать,.....	41
Семейство лютиков сквозных напротив взгляда	42

Мелькают капли	43
Как-то в ветер рожью шла —	44
Соединяется букет.....	45
Туман и лето. Луны в лужах.	46
Язык осторожный, проси-не проси	47
Капли шлепают по листьям.....	48
КУЗЬМИНКИ	49
Мне б какой-нибудь кожушок —	50
Для поэзии даже удобно,	51
Флоксы и астры,	52
Как далеко на стружках волн	53
ДЖЕЙМС ДЖОЙС	55